

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 331.101.262(470)

ББК 65.240(2Рос)

© Панов А.М.

НЕУСТОЙЧИВАЯ ЗАНЯТОСТЬ В РЕГИОНАХ РОССИИ: ОПЫТ КОРРЕЛЯЦИОННОГО АНАЛИЗА¹

ПАНОВ АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ

Институт социально-экономического развития территорий

Российской академии наук

Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

E-mail: panov_isedt@mail.ru

В статье раскрывается понятие неустойчивой занятости на основе критического анализа научно-практической литературы отечественных и зарубежных авторов. Представлена авторская типологизация компонентов неустойчивой занятости и факторов внешней социально-экономической среды, разработанная на основе результатов научных исследований, полученных российскими и зарубежными учеными. К компонентам неустойчивой занятости отнесены три группы статистических индикаторов: экономические институты, условия занятости и конъюнктура рынка труда. При оценке внешней социально-экономической среды автор выделяет три группы факторов: демографический, социальный и экономический. Для компонентов неустойчивой занятости и факторов внешней социально-экономической среды предложена система показателей, доступных в материалах официальной российской статистики. С целью оценки взаимосвязи между распространенностью неустойчивой занятости и социально-экономическим развитием территорий проведен корреляционный анализ, в ходе которого рассчитывался коэффициент Пирсона между показателями внешней социально-экономической среды и распространенности неустойчивой занятости по 80 регионам Российской Федерации. Специфические черты и характер выявленных по результатам анализа взаимосвязей раскрываются с применением общенаучных методов: анализа, синтеза, диалектического метода познания. Расчеты показали, что на распространенность неустойчивой занятости в наибольшей степени влияют эко-

¹ Статья выходит при поддержке гранта РГНФ, проект № 16-02-00290 «Неустойчивая занятость в России: возможности и ограничения повышения эффективности трудового потенциала».

номический и социальный факторы (в особенности оплата труда и образование населения). Проанализирована взаимосвязь между показателями распространенности неустойчивой занятости и «российской моделью рынка труда», описанной отечественными экспертами. Показано, что названная модель трудовых отношений обеспечивает поддержание условий, создающих стимулы для распространения неустойчивой занятости (в первую очередь это связано с «гибкой» системой оплаты труда). В заключительной части статьи представлены общие рекомендации по совершенствованию институциональной среды регионального рынка труда и обозначены основные перспективы развития исследования: применение факторного анализа, углубленное исследование явлений внешней среды, изучение неустойчивой занятости в разрезе секторов экономики, видов экономической деятельности и типов поселений, использование социологического инструментария.

Неустойчивая занятость, социально-экономическое развитие, рынок труда, корреляционный анализ.

Проблема изучения неустойчивой занятости и прекаризации населения российских регионов была обозначена в научном и политическом сообществах относительно недавно в начале 2000-х годов, после того как страна пережила первые крупные экономические потрясения, и требует углубленного осмысления. Под неустойчивой занятостью мы понимаем ситуацию, когда работник, находясь в социально-трудовых отношениях, рискует лишиться работы и доходов, обеспечивающих средства к существованию. При взгляде на общие показатели российской статистики труда можно отметить немало благоприятных тенденций: рост заработных плат, относительно низкий уровень безработицы, высокая экономическая активность населения. Однако за этой внешне благоприятной картиной могут скрываться явления, способные повлечь за собой неблагоприятные социально-экономические последствия: деградацию человеческого капитала (ухудшение качества рабочей силы), нестабильность положения работников на рынке труда, снижение производительности труда и т. д.

На предыдущих этапах исследования с применением индексных и рейтинговых методик было раскрыто понятие неустойчивой занятости, определены основные требования к ней [10] и оценена ее распространенность в регионах России. Настоящее исследование

имеет целью определение основных факторов неустойчивой занятости на уровне российских регионов.

В научной и практической литературе предпринят ряд попыток исследования различных факторов неустойчивой занятости и прекаризации населения. Д. Фадж [16] и ее соавторы считают, что на распространенность неустойчивой занятости влияет гендерный фактор. С их точки зрения женщины больше подвержены неустойчивой занятости: они чаще оказываются занятыми в домашнем хозяйстве и, таким образом, могут быть лишены гарантий, которыми пользуются работающие на основе трудового договора. Кроме того, на них нередко воздействует «двойная нагрузка» – помимо трудовой занятости на женщин зачастую возлагается значительная часть домашних обязанностей. Российские исследователи оценивали влияние таких социально-демографических характеристик населения, как возраст (В.Н. Бобков, Е.А. Черных и др.) [2] и образование (О. И. Шкаратан и др.) [13, с. 102]. Рассматривая возрастной аспект неустойчивой занятости, В.Н. Бобков, прежде всего, говорит о молодежи, чье положение на рынке труда может быть менее устойчивым вследствие различных причин, например, недостатка опыта (стажа) работы. Образовательной характеристикой, способствующей распространенности неустойчивой занятости, может быть отсутствие про-

фессионального образования. Е. Кофман считает, что семейное положение также способно повлиять на устойчивость занятости [17]. Исследователи Дж. Роджерс [19] и У. Левчук [18] оценивали экономический фактор – уровень доходов населения. Концепция «четырёх измерений», предложенная Дж. Роджерсом, включает в себя показатели доходов, которых должно быть достаточно для поддержания нормальной жизнедеятельности работника и нетрудоспособных членов его семьи [19]. Международный коллектив авторов под руководством Х. Блоссфельда считает, что неустойчивая занятость индивидов связана с их опытом безработицы, которая является показателем экономической конъюнктуры [14]. Логично также предположить, что в условиях высокого избытка рабочей силы растёт конкуренция за рабочие места, и работодатели могут быть настроены по отношению к работникам более оппортунистически. Таким образом, по мнению отечественных и зарубежных ученых, неустойчивая занятость подвержена влиянию различных социально-демографических и экономических факторов, которые можно объединить в три группы: демографические, социальные и экономические.

Для количественной оценки влияния названных факторов была определена система статистических показателей.

Демографические факторы включают в гендерную и возрастную компоненту. Гендерный фактор оценивался по удельному весу женщин в общей численности занятого населения. Этот параметр, таким образом, исключает домохозяйек, чья хозяйственная активность ограничивается поддержкой домашнего хозяйства, а также безработных женщин. Согласно концепции неустойчивой занятости, выработанной на первом этапе исследования, домохозяйки не входят в категорию неустойчиво занятых – они не работают, не ищут работу и не имеют трудового дохода. Возрастные характеристики отражены удельным весом населения в возрасте 15–29 лет в общей численности занятых в экономике.

К социальным характеристикам относятся параметры образования и семейного положения (последний отсутствует в данных официальной статистики). В качестве основного показателя, характеризующего социальный фактор, был выбран удельный вес населения, не имеющего профессионального образования, в общей численности занятых в экономике. Помимо этого нами был использован удельный вес населения, имеющего высшее образование, в общей численности занятых. Применение данного индикатора основано на гипотезе о том, что работники с высшим образованием более «универсальны», чем остальные, – они могут работать по специальности, полученной в вузах, а также занимать должности продавцов, офис-менеджеров и другие позиции, для замещения которых работодатель нередко требует наличие высшего образования. В этом случае должна быть выявлена обратная взаимосвязь с показателями неустойчивой занятости.

Экономические показатели характеризуют, с одной стороны, доходы работающего населения региона, с другой – конъюнктуру рынка труда в нем. Экономические показатели, применяемые в данном исследовании, – заработная плата и уровень общей безработицы.

Показатели неустойчивой занятости были определены и обоснованы на предыдущих этапах исследования и также объединены в три блока (табл. 1):

- 1) институциональные индикаторы:
 - а) удельный вес занятых в неформальном секторе;
 - б) отношение минимального размера оплаты труда к прожиточному минимуму, установленному для трудоспособного населения;
- 2) индикаторы условий занятости:
 - а) удельный вес работников списочного состава, работавших неполное рабочее время по инициативе работодателя, в общем числе работников списочного состава;

Таблица 1. Факторы и компоненты неустойчивой занятости

Блок показателей	Статистический показатель	Обозначение в корреляционной матрице
Факторы неустойчивой занятости		
Демографический	Удельный вес женщин в общей численности занятых в экономике, %	x1
	Удельный вес населения в возрасте 15–29 лет, в общей численности занятых в экономике, %	x2
Социальный	Удельный вес населения, не имеющего профессионального образования, в общей численности занятых в экономике, %	x3
	Удельный вес населения, имеющего высшее профессиональное образование, %	x4
Экономический	Среднемесячная начисленная заработная плата, скорректированная с учетом стоимости фиксированного набора товаров и услуг, в рублях	x5
	Уровень общей безработицы, %	x6
Компоненты неустойчивой занятости		
Институты рынка труда	Занятые в неформальном секторе, в общей численности занятых в экономике, %	y1
	Отношение минимального размера оплаты труда к прожиточному минимуму, установленному для трудоспособного населения, %	y2
Условия занятости	Удельный вес работников списочного состава, работавших неполное рабочее время по инициативе работодателя, в общем числе работников списочного состава, %	y3
Конъюнктура рынка труда	Удельный вес работников, получающих заработную плату ниже прожиточного минимума, в общей численности занятых в экономике, %	y4
	Удельный вес работников, перед которыми имеется задолженность по заработной плате, в общей численности занятых в экономике, %	y5
Источник: составлено автором.		

3) индикаторы конъюнктуры рынка труда:

а) удельный вес работников, получающих заработную плату ниже прожиточного минимума, в общей численности занятых в экономике;

б) удельный вес работников списочного и несписочного состава, перед которыми организация имеет просроченную задолженность по заработной плате, в численности занятых в экономике.

Методика корреляционного анализа

Взаимосвязь между параметрами и факторами распространенности неустойчивой занятости оценивалась с применением метода корреляционного анализа (коэффициент корреляции Пирсона). Расчет производился по формуле:

$$r = \frac{\sum (x - \bar{x}) \cdot (y - \bar{y})}{\sqrt{\sum (x - \bar{x})^2 \cdot \sum (y - \bar{y})^2}}, \quad (1)$$

где:

r – коэффициент корреляции;

x – факторы неустойчивой занятости;

y – параметры распространенности неустойчивой занятости.

Исследование проводилось в разрезе субъектов Российской Федерации по состоянию на 2013 год, соответственно, количество наблюдений (n) составило 80. Полученная взаимосвязь (r) интерпретировалась следующим образом: 0–0,2 – очень слабая взаимосвязь (применительно к исследованию рассматривалась как отсутствие взаимосвязи); 0,2–0,5 – слабая взаимосвязь; 0,5–0,7 – взаимосвязь средней силы; 0,7–0,9 – сильная взаимосвязь; 0,9 и выше – очень сильная взаимосвязь [8]. В зависимости от значения коэффициента (положительного или отрицательного) взаимосвязь трактовалась как прямая или обратная. Таким образом, расчеты показывали направленность и тесноту взаимосвязи между показателями неустойчивой занятости и экзогенными факторами, которые могут оказывать на них влияние. Характер полученных взаимосвязей раскрывался с применением общенаучных методов – логического анализа и синтеза, а также диалектического метода познания.

Расчеты и интерпретация результатов

Коэффициент корреляции рассчитывался по 30 парам показателей (табл. 2).

Таблица 2. Взаимосвязь показателей неустойчивой занятости и факторов внешней среды, коэффициент корреляции Пирсона (r)

Переменные	x1	x2	x3	x4	x5	x6
y1	-0,219	0,433	0,703	-0,280	-0,526	0,573
y2	-0,060	-0,114	-0,067	0,229	-0,022	-0,100
y3	0,220	-0,187	-0,310	-0,047	-0,246	-0,408
y4	0,044	0,413	0,524	-0,180	-0,617	0,401
y5	0,266	0,160	-0,077	0,023	0,398	0,257

Источники: Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] : официальный интернет-сайт. – Режим доступа : <http://www.gks.ru>; расчеты автора.

По результатам расчетов в 12 корреляционных парах была выявлена очень слабая взаимосвязь, между 13 парами показателей выявлена слабая (но при этом значимая) статистическая взаимосвязь, в четырех случаях наблюдалась взаимосвязь средней силы и в одном – сильная взаимосвязь.

Рассмотрим показатели неустойчивой занятости в их взаимосвязи с внешними факторами.

Наиболее сильная (-0,703) статистическая взаимосвязь наблюдалась между занятыми в неформальном секторе и долей работников, не имеющих профессионального образования. Это единственная корреляционная пара в проведенном исследовании с сильной взаимосвязью. Данный факт свидетельствует о том, что наиболее подвержены риску прекаризации именно работники, не имеющие профессионального образования. Таким образом, отсутствие профессионального образования является значимым фактором неформальной (и, соответственно, неустойчивой) занятости. Работодатели зачастую требуют от работников наличие хотя бы формального профессионального образования – в научной литературе этот феномен получил название креденциализм (англ. *credentialism*) и был описан Г. Беккером [15]. Наличие профессионального образования нередко является первым требованием, которое работодатель предъявляет к соискателю, поскольку иные способы немедленно оценить рабочую силу у него отсутствуют. Возможно, эти работники обладают необходимыми профессио-

нальными компетенциями, однако они не соответствуют формальным требованиям, а потому отсеиваются на первом этапе отбора кадров и «уходят в тень».

Коэффициент корреляции между уровнем общей безработицы и занятостью в неформальном секторе составил 0,573, что соответствует взаимосвязи средней силы. Вероятно, безработица выступает фактором неформальной занятости – неблагоприятная рыночная конъюнктура не позволяет всем желающим трудоустроиться в формальном секторе, пользоваться социальными благами. Соответственно, многие работники оказываются вынужденными «уйти в тень». Признавая безработицу фактором неустойчивой занятости, мы, тем не менее, воздержимся от категоричного заявления о том, что работники неформального сектора – наименее конкурентоспособные кадры с низко развитыми компетенциями и нежеланием подчиняться трудовой дисциплине. Вероятно, это не так, и особенности институциональной среды российского рынка труда зачастую препятствуют формализации занятости: не желая регистрироваться в качестве предпринимателя, получать лицензии (что связано со значительными транзакционными и налоговыми издержками), работники предпочитают трудиться «на себя», но в неформальном секторе.

Между занятостью в неформальном секторе и заработной платой выявлена отрицательная взаимосвязь средней силы (-0,526). Возможно, природа этой взаимосвязи кроется в более низкой производительности

труда. Кроме того, работники неформального сектора нередко трудятся в сельском хозяйстве, для которого характерна относительно низкая заработная плата (согласно данным Росстата, в 2014 году заработная плата в сельском хозяйстве в России составляла 55% от оплаты труда по экономике в целом) [13]. В случае, если это предположение верно, проблема низкой оплаты труда состоит не только в неформальном характере занятости, но и в низкой производительности и оплате труда в сельском хозяйстве. Мы можем предположить, что низкая заработная плата в регионе вынуждает людей искать дополнительную занятость, подработку в неформальном секторе. Так или иначе, мы приходим к заключению, что заработная плата является фактором неустойчивой занятости в регионах России.

Взаимосвязь средней силы (0,433) наблюдалась между неформальной занятостью и долей молодежи в общем числе занятых. Вероятно, это связано с тем, что молодежь более склонна к неформальной трудовой занятости. Возможно, препятствия для формализации занятости молодых работников лежат в сфере рынка труда – оказавшись в условиях жесткой конкуренции с опытными кадрами, молодежь вынуждена уходить в сегмент рынка, представленный неформальной самозанятостью. Не исключены также случаи, когда работодатель не заключает с молодым работником формального трудового договора, вынуждая его работать «в тени» (под предлогом неопытности работника, его невыгодного положения на рынке труда, иногда оппортунизм работодателя связан с незнанием работником основ трудового права).

Прямая взаимосвязь между долей работников с заработной платой ниже прожиточного минимума и удельным весом молодежи (0,413) объясняется тем, что молодые работники, как правило, получают меньшую заработную плату из-за недостатка опыта на невысоких должностях, расположенных

на начальных ступенях карьерной лестницы. Аналогичным образом строится взаимосвязь между долей работающих бедных и долей работников, не имеющих профессионального образования. Коэффициент корреляции составил 0,524 и соответствует взаимосвязи средней тесноты. Неквалифицированная рабочая сила обычно ценится ниже, соответственно, чем больше в обществе таких работников, тем, при прочих равных условиях, больше в нем бедных.

Обратная взаимосвязь средней силы (-0,617) между долей работников, получающих заработную плату ниже прожиточного минимума, и величиной среднемесячной заработной платы представляется очевидной. При значительной дифференциации оплаты труда, характерной для регионов России, низкая величина оплаты труда в регионе повышает вероятность появления работающих бедных.

Прямая слабая взаимосвязь (0,401) между долей работающих бедных и уровнем безработицы говорит о том, что некоторые работники предпочитают «держаться» за рабочие места даже при условиях низкой оплаты труда, но при этом не быть уволенными. Такая стратегия поведения характерна для модели трудовых отношений, получившей название «российская модель рынка труда» [5]. Страх оказаться без работы и лишиться любых средств к существованию формирует у работников патерналистские установки по отношению к работодателю и при этом не создает стимулов к повышению производительности труда, профессиональному развитию. Именно российская модель социально-трудовых отношений делает занятость в стране непроизводительной и неустойчивой.

Занятость в неформальном секторе демонстрирует слабую обратную взаимосвязь с долей женщин в общей численности занятых, что может свидетельствовать о том, что мужчины в большей степени склонны к занятости в неформальном секторе. Одна из возможных причин гендерных различий

в неформальном секторе – большая склонность мужчин к дополнительным подработкам (статистика учитывает как занятых только в неформальном секторе, так и имеющих в нем дополнительную работу).

Отрицательная слабая взаимосвязь (-0,280) наблюдается между занятостью в неформальном секторе и долей работников с высшим образованием. Таким образом, наша гипотеза о том, что высшее образование является фактором, препятствующим распространению неустойчивой занятости, подтверждается. Работники с высшим профессиональным образованием имеют универсальные компетенции и способны выполнять более широкий круг должностных обязанностей. Кроме того, они с большим вниманием относятся к правовым аспектам занятости и стремятся регистрировать свои трудовые отношения официально с соблюдением норм действующего законодательства. Можно также предположить, что рабочие места, занимаемые этими сотрудниками, чаще относятся к формальному сектору, чем те, для замещения которых высшее профессиональное образование не требуется. При этом люди с высшим профессиональным образованием также не застрахованы от неформальной занятости и могут иметь дополнительные подработки в неформальном секторе (например, учителя и преподаватели образовательных организаций могут иметь дополнительный доход от занятий репетиторством, которые нередко организуются без заключения официального договора об оказании услуг).

Примечательно, что отсутствие статистически значимой взаимосвязи чаще всего (в четырех случаях из пяти) наблюдалось между компонентами внешней среды и отношением МРОТ к прожиточному минимуму, которое является показателем функционирования институтов рынка труда. Мы можем сделать вывод, что институт регулирования минимального размера оплаты труда вообще не влияет на распространенность

неустойчивой занятости в российских регионах. Это представляется закономерным, поскольку во многих субъектах Российской Федерации используется общероссийский минимум заработной платы, а региональные соглашения о МРОТ отсутствуют. Институт государственного регулирования оплаты труда зачастую функционирует без связи с рыночными параметрами – средней заработной платой, уровнем потребительских цен и т. д. Значимая корреляционная взаимосвязь (0,229) наблюдалась в единственном случае – во взаимосвязи между регулированием МРОТ и долей работников с высшим образованием. Однако взаимосвязь довольно слаба, и мы не можем однозначно утверждать, что большее количество работников с высшим образованием как-то способно повысить качество институтов рынка труда.

При рассмотрении такого компонента неустойчивой занятости, как рабочее время (в исследовании он представлен удельным весом работников, работавших неполное время по инициативе работодателя), нами были выявлены взаимосвязи с несколькими факторами внешней среды. Прямая слабая взаимосвязь наблюдалась между показателем рабочего времени и долей женщин в общей численности занятых в экономике. Поскольку условием «неустойчивости» занятости была инициатива работодателя, мы исключаем те специфические обстоятельства, которые вынуждают женщин работать неполное время: беременность, уход за детьми, ведение домашнего хозяйства. Тем не менее, наличие взаимосвязи указывает на то, что в данном вопросе женщины, работающие по найму, обладают более слабой переговорной силой, чем мужчины (разница эта, впрочем, невелика). Работодателю по тем или иным причинам оказывается проще убедить женщин перейти на режим неполного времени, чем мужчин. Возможно, это связано с традиционной моделью семейных отношений, которая по-прежнему сильна на многих российских территориях: «главой семьи»,

основным добытчиком средств к существованию является именно мужчина (потому он и оказывается не готов уменьшить количество выполняемой работы). В то же время женщине нередко приходится выдерживать дополнительные нагрузки, связанные с ведением домашнего хозяйства. Таким образом, мы вновь видим, что распространенность неустойчивой занятости подвержена влиянию гендерного фактора.

Корреляционный анализ выявил также обратную слабую взаимосвязь (-0,310) между работой в режиме неполного времени и долей работников, не имеющих профессионального образования. Это может означать, что, чем больше доля работников, не имеющих профессионального образования, тем меньше случаев работы в режиме неполного времени по инициативе работодателя. В научно-практической литературе эта связь не рассматривалась, и мы можем сделать единственное осторожное предположение о том, что по отношению к неквалифицированной рабочей силе работодатель может проявлять оппортунистическое поведение, выходящее за рамки правового поля, например, сокращать заработную плату при сохранении режима полного рабочего времени. Это может происходить вследствие низкой конкурентоспособности неквалифицированной рабочей силы на рынке труда. Опасаясь остаться без работы и столкнуться с проблемами в трудоустройстве, неквалифицированные работники работают полное время за меньшую оплату труда и способствуют сокращению доли занятых, работавших неполное время.

Взаимосвязь между сокращением рабочего времени и заработной платой слабая обратная (-0,246). Это может означать следующее: чем меньше времени работают сотрудники, тем меньше получаемая ими заработная плата. Эта взаимосвязь представляется нам вполне логичной. С одной стороны, снижение продолжительности рабочего времени при прочих равных условиях ведет к

снижению числа производимой продукции и, соответственно, к сокращению заработной платы. Одним из способов легального снижения оплаты труда работников является их перевод на режим сокращенного рабочего времени. Однако возможны ситуации, когда работодатель сокращает количество рабочих часов, ожидая при этом выполнения работы в прежних объемах. Таким образом, работодатель требует от работников повысить производительность труда и при этом находит оправдание для сокращения заработной платы – уменьшение количества отработанных часов.

Несколько сильнее оказалась взаимосвязь между долей работников, работавших неполное время, и уровнем общей безработицы (0,40). Взаимосвязь эта, на наш взгляд, вполне объяснима. Применительно к российским условиям причиной является сокращение рабочего времени, а следствием – снижение уровня безработицы. Перевод работников на режим частичной занятости позволяет работодателю избежать сокращений и, тем самым, уменьшить количество безработных, снизив таким образом уровень безработицы.

Удельный вес работников, перед которыми у работодателя имеется задолженность, коррелирует с тремя показателями внешней среды: удельный вес женщин в общей численности занятых (0,266), среднемесячная заработная плата (0,398) и уровень общей безработицы (0,257). Связь во всех случаях является прямой и слабой. Вероятно, взаимосвязь между просроченной задолженностью по заработной плате и долей работающих женщин носит сложный, опосредованный характер. Слабость выявленной взаимосвязи не позволяет строить категоричных суждений о ее природе. Можно лишь предположить, что ее причины могут крыться в структуре занятости в разрезе отраслей, однако отсутствие статистической информации не позволяет эмпирически подтвердить этот тезис. Корреляция между

долей работников, перед которыми имеется задолженность, и среднемесячной начисленной заработной платой также имеет сложный и опосредованный характер. Наибольший удельный вес работников с просроченной задолженностью наблюдается в регионах, которые не являются лидерами по заработной плате: Республика Тыва (12,4%), Вологодская (8,4%) и Кемеровская (8%) области. При этом в некоторых регионах с высокой заработной платой (например, в Тюменской области) задолженность перед работниками отсутствует. Возможно, выявленная взаимосвязь обусловлена уязвимостью территорий по отношению к кризисным явлениям в экономике: спады конъюнктуры приводят к тому, что работодатели оказываются не в состоянии выплачивать работникам высокую заработную плату и вынуждены задерживать ее. При этом регионы, экономика которых характеризуется устойчивостью к кризисным явлениям, не сталкиваются с этой проблемой.

Корреляция между просроченной задолженностью по заработной плате и уровнем безработицы может быть связана с тем, что, столкнувшись с практикой задержки заработных плат, работники увольняются, и количество безработных, таким образом, растет. Кроме того, получая информацию о том, что организация не выплачивает заработную плату работникам, соискатели избегают таких работодателей, дольше оставаясь безработными.

Проведенный анализ показывает, что основные факторы, способствующие распространению неустойчивой занятости в регионах России, находятся в социальной и экономической сферах. Работники, не получившие профессионального образования, более склонны к занятости в неформальном секторе и рискуют оказаться в числе работа-

ющих бедных. Получение высшего профессионального образования препятствует распространению неустойчивой занятости, однако это влияние весьма умеренно: статистически значимая (но при этом слабая) взаимосвязь была выявлена в двух случаях из пяти. Это может свидетельствовать о необходимости выработки механизмов повышения качества образования, с тем чтобы оно стало более действенным препятствием для распространения неустойчивой занятости.

Гендерный фактор также оказывает влияние на прекаризацию населения. Несмотря на равные социально-трудовые права, занятость женщин может быть менее устойчива, что может быть обусловлено влиянием неформальных институтов (например, семьи, традиционной модели семейных отношений).

Расчеты показывают, что наиболее сильное влияние на неустойчивую занятость оказывает конъюнктура рынка труда – цена и уровень безработицы. Это связано, в том числе, с функционированием так называемой российской модели рынка труда – при стабильном и относительно низком уровне безработицы занятость оказывается непродуктивной и неустойчивой. На наш взгляд, проблемы российского рынка труда проявляются в неустойчивости занятости, а не в колебаниях экономической конъюнктуры. Успешное преодоление «российской модели рынка труда» невозможно без совершенствования экономических институтов как на федеральном, так и на региональном уровне.

В перспективе исследование может быть развито за счет применения факторного анализа, более глубокого изучения явлений внешней среды, изучения неустойчивой занятости в разрезе отраслей экономики и типов поселений, использования социологического инструментария.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арабов, Д. У. Перспективы развития гибкой занятости в странах СНГ [Текст] / Д. У. Арабов, Д. А. Насимов // Эко. – 2016. – № 8. – С. 5–28.
2. Бобков, В. Н. Влияние неустойчивой занятости на переходы молодежи на рынке труда [Текст] / В. Н. Бобков, Е. А. Черных // Уровень жизни населения регионов России. – 2014. – № 3 (193). – С. 23–55.
3. Вакуленко, Е. С. Гибкость реальной заработной платы в России: сравнительный анализ [Текст] / Е. С. Вакуленко, Е. Т. Гурвич // Журнал новой экономической ассоциации. – 2016. – № 3. – С. 67–92.
4. Варшавская, Е. Я. Российские работники с высшим образованием: анализ образовательных специальностей [Текст] / Е. Я. Варшавская // Вопросы статистики. – 2016. – № 9. – С. 65–74.
5. Гимпельсон, В. Е. Российский рынок труда: между нормой и аномалией [Электронный ресурс] / В. Е. Гимпельсон, Р. И. Капелюшников // Электронный журнал «OpenSpace». – Режим доступа : <http://www.openspace.ru/article/771> - Дата обращения 01.12.2013.
6. Головчин, М. А. Социальные «маркеры» населения, работающего по призванию [Текст] / М. А. Головчин // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2016. – № 9-2. – С. 138–148.
7. Гулин, К. А. К вопросу о социально-экономической модернизации российских регионов [Текст] / К. А. Гулин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – № 4. – С. 42–58.
8. Иллюстрированный самоучитель по SPSS [Электронный ресурс] : справочный портал по системе SPSS // Учебники по использованию программы SPSS. – Режим доступа : <http://www.learnspss.ru/hndbook/glava15/cont1.htm> – Дата обращения 20.03.2014.
9. Капелюшников, Р. Парадоксы формирования резервной заработной платы на российском рынке труда [Текст] / Р. Капелюшников, А. Лукьянова // Вопросы экономики. – 2016. – № 8. – С. 5–28.
10. Панов, А. М. Неустойчивая занятость: концептуализация понятия и критерии оценки [Электронный ресурс] / А. М. Панов // Вопросы территориального развития. – 2016. – № 3. – Режим доступа : <http://vtr.vsc.ac.ru/article/1894>
11. Проблемы эффективности государственного управления. Человеческий капитал территорий: проблемы формирования и использования [Текст] : монография / Г. В. Леонидова, К. А. Устинова, А. В. Попов, А. М. Панов, М. А. Головчин, Т. С. Соловьева, Е. А. Чекмарева; под общ. ред. А. А. Шабуновой. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2013. – 184 с.
12. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] : официальный интернет-сайт. – Режим доступа : <http://www.gks.ru>
13. Шкаратан, О. И. Прекариат: теория и эмпирический анализ (на материалах опросов в России, 1994–2013) [Текст] / О. И. Шкаратан, В. В. Карачаровский, Е. Н. Гасюкова // СОЦИС. – 2015. – № 12. – С. 102.
14. Adult learning in modern societies: an international comparison from a life-course perspective [Electronic resource] / Edited by H.-P. Blossfeld, E. Kipli-Jakonen, D. Vono de Vilhena, S. Buchholtz. – Northampton : Elgar, 2014. - Available at : <https://books.google.ru/books?id=tg7oAwAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>
15. Becker, G. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education (3rd Edition) [Text] / G. Becker. – Chicago : The University of Chicago Press, 1993. – 392 p.
16. Fudge, J. Precarious work, women and the new economy: the challenge to legal norms [Text] / J. Fudge; Owens, Rosemary // Precarious work, women and the new economy: the challenge to legal norms. Onati International Series in Law and Society. – Oxford : Hart Publishing, 2006. – P. 3–28.
17. Kofman, Y. The hidden social costs of precarious employment: parental co-residence, marriage timing and political participation during young adulthood [Electronic resource] : a dissertation submitted in partial satisfaction of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy on Sociology / Y. Kaufman. – Los Angeles : University of California, 2015. – Available at: <http://escholarship.org/uc/item/62g2f2f5#page-1>
18. Lewchuk, W. Is precarious employment low income employment? The changing labor market in South Ontario [Electronic resource] / W. Lewchuk et al. // Just Labor. – 2014. – Vol. 22. – Available at: http://www.justlabour.yorku.ca/volume22/pdfs/05_lewchuk_et_al_press.pdf
19. Rodgers, G. Precarious Work in Western Europe [Text] / G. Rodgers and J. Rodgers (eds) // Precarious Jobs in Labour Market Regulation: The Growth of Atypical Employment in Western Europe. – Belgium : International Institute for Labour Studies, 1989. – P. 1–16.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Панов Александр Михайлович – младший научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук. Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: panov_isedt@mail.ru. Тел. (8172) 59-78-10.

Panov A.M.

PRECARIOUS EMPLOYMENT IN RUSSIA'S REGIONS: EXPERIENCE OF CORRELATION ANALYSIS

The article reveals the concept of precarious employment on the basis of a critical analysis of scientific literature of domestic and foreign authors. The article presents the author's classification of the components of precarious employment and external socio-economic environment factors; the classification was developed on the basis of research findings obtained by Russian and foreign scientists. The components of precarious employment are arranged in three groups of statistical indicators: economic institutions, employment conditions and labour market conditions. In assessing the external socio-economic environment the author distinguishes three groups of factors: demographic, social and economic. For the components of precarious employment and external socio-economic environment factors the author proposes a system of indicators available in official Russian statistics materials. To assess the relationship between the prevalence of precarious employment and socio-economic development of territories the author conducted a correlation analysis in which the Pearson correlation coefficient between indicators of external socio-economic environment and the prevalence of precarious employment in 80 regions of the Russian Federation was calculated. The specific features and nature of the relationships identified by the results of the analysis are disclosed with the application of general scientific methods: analysis, synthesis, dialectical method of cognition. The calculations show that the prevalence of precarious work is strongly influenced by economic and social factors (especially remuneration and education of the population). The author analyzed the relationship between the prevalence of precarious employment and the "Russian model of the labor market" described by domestic experts. It is shown that the model of labour relations under consideration provides for the maintenance of the conditions that create the incentives for the diffusion of precarious employment (primarily this is due to the "flexible" pay system). The final part of the paper presents general recommendations for improving the institutional environment of the regional labor market and outlines the main prospects for further research: the use of the factor analysis, in-depth study of the phenomena of the external environment, the study of precarious employment broken down by economic sectors, types of economic activities and types of settlements, the use of sociological tools.

Precarious employment, socio-economic development, labor market, correlation analysis.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Panov Aleksandr Mikhailovich – Junior Research Associate at the Department for Studies of the Standard of Living and Lifestyles. Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Science. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: panov_isedt@mail.ru. Phone: +7(8172) 59-78-10